

Валерий Сдобняков. Вячеслав Витальевич, вы Народный писатель Удмуртии и, значит, своим художественным словом, возможно, наиболее полно передаёте сегодняшние чаяния, переживания, думы своего народа. Сразу ли осознали вот этого главного национального начала пришло к вам, как к писателю, поэту, публицисту? Или вы пришли к нему через постижение великой русской и российской литературы, в которой удмуртская занимает своё, только ей по праву принадлежащее место?

Вячеслав Ар-Серги. Звание «Народного писателя Удмуртской Республики» мне было присвоено ещё в 2003-ем году — в 41 год. Помнится, Мустай Карим, Народный поэт Башкирии, пошутил тогда при московской встрече — мы с ним очень хорошо дружили: «Ну, Вячеслав, обошёл, обошёл ты меня... я ведь Народным-то стал, по сравнению с тобой, совсем уже старым — в 44 года». Ах, Мустафа Сафич, учитель дорогой! Помню, помню тепло дружеских бесед с ним и никогда не забуду его благословения на служение Литературе, народу своему... Когда в Удмуртии мне стало не с кем говорить о литературе, о настоящей — ушли в мир иной, как удмурты говорят — «ушли вниз по реке», выдающиеся удмуртские поэты, мои друзья: Владимир Романов (1943-1989), Михаил Федотов (1958-1995)..., я однажды позвонил Мустай агаю в Уфу и тяжело вздохнул после приветствия — он сразу всё понял... И заремел его добрейший басок в трубку: «Слава, приезжай...». И я тут же рванул в Уфу — в ночь, по камскому льду переправы на Нефтекамск, и — далее... Даже старенькая «девятка» по дороге только пела, пела и солидно покашливала... А по вашему вопросу: передаю ли я наиболее полно чаяния, переживания, думы своего народа... Мне кажется, что на этот вопрос наиболее полно ответит только время. Но я ещё и дополню — меня и не столь волнует его ответ на этот вопрос. Я делаю то, что — мне надлежит, и пусть будет то, что — будет. Говорят, этот девиз был написан ещё на щитах римских легионеров... То есть, мир — не нов, а новы в нём — мы с вами. Вот это — главное. А по Народным поэтам и писателям нашей республики... — за всю историю нашего края их было и есть 17 поэтов и прозаиков, 5 из которых, Слава Богу, живы и здоровы... И знаете, что я скажу — это очень хорошая компания, где, в отличие от, скажем, писательских союзов, нет случайных лиц... Практически каждого из этих авторов у нас хорошо знают в Удмуртии — и в лицо, и по написанному им. Наверное, кто-то из ретивых скажет — да что там ваш «народный»? Толстой не имел этого звания... Как ответить на такой пассаж? Наверное, только словами А.С. Пушкина: «И не оспаривай глупца...».

Бытовую русскую речь я начал осваивать поздно — лет в десять. А до этого всё обучение в нашей школе, в её начальном «Б»-классе, шло на родном удмуртском языке — вплоть до математики с её дробями. В «А» же классе учились русские мальчики и девочки — из окружающих

малых русских деревенек и дети нашей удмуртской, так сказать, комноменклатуры — из нашего села, главной усадьбы колхоза имени пламенного красного комдива Владимира Азина, то бишь Вольдемара Мартиновича Азинша («ура!» — его светлой памяти). И поэтому, наверное, я могу сказать то, что всё моё изначальное становление было именно удмуртским. Первые молитвы, услышанные мною, были на удмуртском... Даже свою любимую книгу «Приключения Робинзона Крузо» Даниэля Дефо я прочитал сначала на родном языке (тогда по госполитике советской много и хорошо переводили классику на удмуртский язык — и издавали!) при полной уверенности в том, что Робинзон попал на 28 лет на один из необитаемых островков именно на нашей Каме-реке, от которой моя деревня стояла в верстах девяти. Каму мы знаем хорошо уже с детства и любим её всю свою жизнь... Также было и с «Незнайкой на Луне», и даже с М. Шолоховым, М. Горьким, С. Михалковым, Э. Войнич и многими другими... Мир открывался нам словом нашим, родным. И песни пелись в моём детстве в основном на родном языке... Так что мир великой русской литературы осязаемо пришёл ко мне только в старших классах нашей Казмасской средней школы. Но он пришёл такой огромный, и такой завораживающий, что я тут же пошёл за ним. И тогда же принял решение, оказавшееся жизненно-корневым, о том, что я буду удмуртским писателем и буду жить в том мире — хоть большим, хоть самым маленьким... А потом, с годами, я уже не делил литературу — ни на удмуртскую, ни на русскую, ни на иностранную и т.д. Литература стала единой духовной атмосферой — безграничной, всеобъемлющей. Кто я там? Тот, кто я и есть по жизни своей — человек пишущий. Так и каждый человек — сначала Человек, а потом уж — русский, татарин, мариец, чуваш, башкир, мордвин, коми, удмурт и т.д.

В.С. Лет 30-50 назад, когда литературному творчеству в СССР придавалось большое значение, читатели без труда знакомились и с поэзией, прозой литераторов из Мордовии, Чувашии, Калмыкии, Дагестана... Все литераторы (кроме того, что имели свою национальную аудиторию (книги издавались на родном языке), имели выход (через переводчиков) на общероссийского читателя. Сейчас в этом вопросе потери просто невероятные. Потому я предлагаю вам кратко провести для наших читателей экскурс в историю удмуртской литературы. Ведь не просто так вы взяли для себя литературный псевдоним Ар-Серги.

А.С. То, что вы говорите о былом более открытом проходе национальных авторов к большому русскому читателю, в особенности через столицы — да, это было. Но кто переводил, кого переводили и как переводили? Не секрет, что переводили в основном свои люди, аффилированные с определёнными столичными издательствами — друг, брат, кум, собутыльник и т.п... А где денег много, там всегда ходят чужие... В основном переводил кто попаало, по подстрочнику — абы как, по канону перевода «с чучмекского — на сберкнижку». Было такое? Было и есть... А хорошие столичные переводчики чаще всего шли на Кавказ — там вкусно кормили и лучше платили (не только по ведомости), а Урало-Поволжью и восточным регионам страны — по остаточному московскому принципу... — «бери, друже — что нам негоже». От этого, знаете, я просто не могу сейчас большую часть удмуртской классики читать на русском языке — не идёт. В особенности та, что в своё время была издана в самых звучных издательствах наших столиц. Это — грустно.... Только грустно — ладно бы уж, не впервой..., да ведь — это и вредительство, ей-пра! Ведь по этим переводам русскочитающие смотрели на всю литературу народа... В своё время, давно уже это было, переводили и меня на русский язык — да ведь всё так хорошо и гладко, все вихры мои — причёсаны! Но однажды на площади, в самом конце века минувшего, я не смог прочитать перевод моего стиха — он колом стал мне в горле. Ибо стих, хоть и сюжетно верно переданный в переводе — не был моим!

Из него неимоверно точно было убрано всё моё... И тогда я сам, тут же, перевёл его на русский язык и прочитал перед людьми: перевод, признаюсь сейчас, был коряв — но стих ожил моей душой! Это я воочию увидел на лицах моих читателей и ощутил сам... Классик удмуртской литературы, основоположник профессиональной нашей литературы Кузубай Герд (1898-1937, расстрелян на Соловках) был билингвален в своём литературном и научном творчестве — равно талантливо писал и по-удмуртски, и по-русски, при этом в совершенстве зная татарский, марийский, немецкий, финский и др. языки. Из русских его стихов мне наиболее близки его оригиналы на русском, отнюдь не чужие переводы... Его русский язык имел неповторимый, чисто наш, удмуртский акцент, что неимоверно чётко работало на полноту звучания его непревзойдённой лиры... А некоторые нынешние критико-филологи раздражаются вселенским гневом по поводу, в частности, кажущейся им нерусскости уже моего русского письма. Им и невдомёк, что я и есть — нерусский, мне без акцента — никак, и то, что Поэзия — не рабыня во дворе филологическом — подите вы лесом, господа... Ух, как изощрялись в своё время подобные эти блохоискатели с диссертациями по поводу «Степи» того же Антона Павловича Чехова: там типа «А до смерти своей бабушка была жива...». Когда они тыкали это автору, тот только посмеивался — так уж, мол, получилось, извиняйте, господа... Но ничего не поменял... Мера — главное мерило вещей, это уж — как аксиома. А по русскому нашему языку... Давайте мы его будем любить и уважать также, как и следует, но без бития в грудь — «о великий, могучий...» и т.п. Близкий предок татарского мурзы Тургена, которого мы знаем как великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева, не призывал к принятию исключительности русского языка: он сам знал несколько европейских языков в совершенстве и писал на них.... — он говорил только о любви к языку. Так его и надо понимать. Но при этом мы должны понимать то, что русский язык — это обычный среди многих языков больших народов мира язык. Не надо ему молиться, с ним надо — жить. А это сложнее.

Билингвальным автором был и большой удмуртский прозаик Геннадий Красильников (1928-1975). Лучшие его романы и повести на русском языке, опубликованные им в Москве — это, что он сам перевёл на русский язык.

Первым авторским напечатанным стихотворением на удмуртском языке считается произведение Григория Верещагина «Чагыр, чагыр дыдыке... («Сизый, сизый голубок»), опубликованный в 1989 году). А до это удмуртское художественное слово многими веками жило в народном творчестве и совершенно чётко выполняло своё назначение — быть удмурту проводником в мир незнаемый, людям нужный. Их было немного — дореволюционных авторов, но они привели в литературу великого нашего Герда, а с Гердом и распрямилась, взяла достойную осанку и ноту удмуртская литература, пошла вровень с литературами других народов... А что такое художественная литература народа? Это прежде всего имена её создателей. В удмуртской — это романист Трофим Архипов (1908-1994), прозаик и поэт Михаил Петров (1905-1955), поэт Николай Байтерьяков (1923-1997), рассказчик Роман Валишин (1937-1979) и прекрасные поэты — Владимир Романов, Михаил Федотов, о которых я уже говорил выше — моих друзьях. Знаете, произведения этих названных мною писателей украсят сегодня любую всемирную литературную антологию — в этом я уверен... Перед Отечественной войной 1941-1945 годов почти вся удмуртская писательская организация была физически ликвидирована (власть нашла нужные статьи для удмуртских писателей): оставались только авторы — одним пальцем пересчитать... Но народ потом родил новые удмуртские таланты — была ещё сила в народе! А есть ли такая сила сейчас? В обществе, где каждый зажил ныне только сам по себе, где народ стал достойным своих правителей, где кучка богачей благоденствует за счёт нищей массы основного населения стра-

ны.... Где вся глубинная национальная народная культура — сплошь «по остаточному принципу» и малые народы превратились только в «сувенирные»... Не знаю... Неужели нынешние высокопоставленные ликвидаторы языка и культур немногочисленных российских народов — «не ведают, что творят...»? А вы слышали в нашей федеративной стране хотя бы об одной национальной школе? То есть, такой школе, где бы все предметы изучались, осваивались посредством именно своего национального родного языка — как и должно... Я не слышал... А те редкие школы, где один раз в неделю происходит обучение родному, нерусскому российско-коренному самому языку, считаются школами аж с национальным компонентом или даже уклоном — «радуйся, душенька!».

И ещё, о чём не хочется, увы, забыть. Не хочется — не может... В Удмуртии всего лишь с полдюжины, если не меньше, национальных госизданий. С мизерами гонораров или проще, чаще — вообще без оных. Во главе этих изданий сидят апробированные властью люди, считающие себя ни много, ни мало — пожизненно назначенными судьями удмуртской литературы. Могут они открыть новую страницу удмуртской литературы? Нет, к тому же — и не хотят, наверное: должности — тёплые, зарплаты — хорошие, с чего икру-то метать... Но дело и не в них. А в том, что, в частности, не может же эта пол-дюжина всё время печатать, скажем, одного меня. Ну, напечатают, разок в полгода-год — и всё. А профессиональному писателю без публикаций — не жить... Остаётся выверенный путь — переход на другой язык, в данном случае — государственный язык страны. И вследствие этого — расширение своего публикационного поля. Тот путь, по которому сегодня весьма талантливо идут африканские, китайские, японские, индийские, латиноамериканские писатели, живущие в Лондоне, Париже, Мадриде и т.п. Они пишут не на своих языках, а на языках пришедших к ним — иной раз и роковым историческим образом. От этого, на мой взгляд, мировая литература только в выигрыше.

А моё литературное, родовое имя «Вячеслав Ар-Серги», конечно же — это моя память об эпохе удмуртского Ренессанса, связанного с арским периодом нашей собственно удмуртской истории, закончившейся в 1552-ом году. Может быть, это и не настолько было нашим Ренессансом, но память об удмуртском Арском княжестве, которым руководили наши лидеры, вожди — торо, и среди них самый именитый и мудрый Багаутдин-торо (в русских летописях — «Богодан, арский князь») всегда бодрит меня. Да и редкая старинная удмуртская народная песня обходится у нас без ностальгии о наших арских временах и людях (примечание: а наши тюркские соседи, татары и башкиры, и поныне называют удмурта — «ар» — значит, человек, мужчина). Народ — помнит.

В.С. А вообще насколько органично в Ижевске сосуществуют русская и удмуртская литературы. Если быть совсем объективным — есть среди них противоречия, конкурентная борьба за читателя, влияние на власть?

А.С. Русской литературы, с настоящими мастерами — такими, как Олег Поскребышев (1930-2007), Валерий Болтышев (1956-2008) и другие, увы, ныне в Удмуртии нет. Весьма примечательно то, что период не появления новых имён в русской литературе Удмуртии абсолютно точно совпал с упразднением авторских гонораров в текущей периодике... Но работают ещё потихоньку Анатолий Демьянов (1942), Сергей Жилин (1960), Маргарита Зимина (1947)... другие писатели. Конкуренции между удмуртскими и русскими литераторами нет — чего делить-то? Тришкин кафтан давно уж сношен... Им в равной степени достаются все «лавры» провинциального писателя — равнодушие властей, отсутствие поддержки по продвижению новой книги — «плыви сам или тони!», полная девальвация писательского имени — кабы вот «блогер!», бедность, незащищённая старость с болезнями и т.д. Писательство — это ведь не столько профессия, сколько — судьба. И — не самая сладкая. Чем бы-

стрее понимает это литератор — удмуртский или русский, тем и крепче он стоит на ногах. Жизнь коротка и тратить её на ожидания — зачем... Надо, наверное, просто — работать, с добром в душе и благодарностью Творцу нашему. А нам — и народу своему.

В.С. Когда-то восхитившись тем, как наши соседи, небольшие по площади республики берегут национальные традиции в одежде, танцах, пении, обрядах, быту, я написал статью, упрекая русский народ за многие потери в этом отношении. И вот с тех пор эта тема меня не оставляет. Потому и вас хочу спросить: многие ли национальные традиции удалось перенять от своих близких родственников (дедушек и бабушек, дядьёв и тёток, наконец — родителей), или их «впитали» уже в сознательном возрасте, специально изучая?

А.С. Мне думается, что вне традиций моего народа — и меня нет. Всё становится просто материально-бессмысленным. Как у Льва Толстого: «Жить без любви — можно, но не имеет смысла...». Так вот, именно в эту любовь, я уверен, входит и любовь, уважение к своему народу... Мои бедные родители вырастили меня удмуртом — это данность. Можно ли с этой данностью быть счастливым человеком? Наверное, можно... Ведь это не претит счастью, хотя бы теоретически...

В.С. Как считаете, велико ли влияние удмуртского фольклора на ваше личное творчество?

А.С. Мне иной раз кажется, что я и сам — продолжатель именно удмуртского народного литературного творчества, но с известным мне самому себе собственным именем. Это же так прекрасно — когда в затылок тебе дышат века! Одобрительно, тепло и дружески, на родном языке...

Сентябрь-октябрь 2020